

Соотношение эстоппеля и сделки

Запрет противоречивого поведения предполагает, что предшествующее поведение стороны не должно находиться в противоречии с последующим поведением. Предшествующее поведение обычно проявляется в выражении определенной правовой позиции или фактического намерения. Например, правообладатель своим поведением показывает, что существующее положение отвечает правовой действительности, что он не планирует реализовывать право (будь то право требования или секундарное право), или что он будет исполнять сделку, несмотря на наличие порока, влекущего недействительность сделки.

В иностранной доктрине часто можно увидеть сравнение эстоппеля и сделки. Нельзя ли сказать, что «предшествующее поведение» – это на самом деле сделка (например, отказ от права), а противоречащее ему «последующее поведение» – попытка реализовать уже несуществующее право? При таком объяснении нет никакой необходимости в выделении самостоятельного института эстоппеля и обращении к принципу добросовестности вообще. Правовое последствие в виде невозможности реализовать свое право тогда наступает не в силу требований справедливости, а из уважения к автономии воли. Собственно, именно к такому выводу и приходят некоторые иностранные авторы¹.

Однако попытка объяснить эстоппель через сделку не всегда позволяет обосновать правовое последствие в виде запрета отклоняться от предшествующего поведения. Далее мы разберем конкретные группы случаев, где утрату права нельзя объяснить через сделку, и для достижения справедливого результата мы вынуждены применять эстоппель.

1) Эстоппель в отношении недействительных сделок

П. 5 ст. 166 ГК РФ позволяет суду игнорировать недействительность сделки, если поведение заинтересованной в недействительности стороны давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки. В этой группе случаев сделка на самом деле была совершена, хотя определенные условия ее совершения (противозаконность, несоблюдение формы и т. п.) не позволяют признать за ней действительный характер. Эстоппель здесь позволяет сделке произвести правовые последствия, на которые она была направлена, несмотря на имеющийся порок.

Мы не будем здесь подробно исследовать сферу применения п. 5 ст. 166 ГК РФ и ограничимся лишь рядом общих замечаний. По нашему мнению, эта норма не должна работать в ситуации, когда норма, обуславливающая недействительность, направлена на защиту публичных интересов или интересов третьих лиц. Недобросовестное поведение одной из сторон не должно вести к ущемлению интересов иных лиц. Противоположный

---

¹ Например: Wieling H.J. Venire contra factum proprium und Verschulden gegen sich selbst // Archiv für die civilistische Praxis. 1976, 334. S. 334-335. Bydlinski F. Privatautonomie und objektive Grundlagen des verpflichtenden Rechtsgeschäftes. Springer, 1967. S. 184-192.

подход был применен в делах о договоре о страховании договорной ответственности перевозчика, который в настоящее время противоречит п. 1 ст. 932 ГК РФ². Мотив и публичный интерес, защищаемый нормой, состоит в предотвращении морального риска со стороны перевозчика и пренебрежения им интересами третьих лиц. Суды через эстоппель фактически отказали в признании соответствующей цели, установленной законом. Спорно, насколько могут суды вступать в прямое противоречие с замыслом законодателя.

Если же норма прежде всего рассчитана на защиту интересов недобросовестно действующей стороны, то у нас гораздо больше оснований для того, чтобы отдать приоритет справедливости перед формальными требованиями. Поэтому указанная норма должна быть актуальна прежде всего для сделок с пороком формы, так как ее цели (удержание от поспешных решений, консультационная функция и т. д.) по большей части направлены как раз на защиту совершающего сделку лица. Именно в контексте сделок с пороком формы немецкие доктрина и суды исследуют применение запрета противоречивого поведения к ничтожным сделкам. В то же время есть и примеры применения эстоппеля к иным порокам сделки³.

Также и применение п. 5 ст. 166 ГК РФ можно помыслить и за пределами сделок с пороком формы. Например, в отношении противозаконных сделок, где законодательный запрет защищает лишь сторону договора. В Германии, например, в период, когда сделки об исковой давности считались недействительными, *venire contra factum proprium* мог связать должника, пообещавшего не ссылаться на исковую давность⁴. В России эстоппель может быть актуален, в частности, в связи с п. 6 ст. 450.1 ГК РФ, из которого вытекает, что лицо, не являющееся коммерсантом, не может отказаться от своего права. Из судебной практики примером игнорирования законодательной нормы, защищающей интересы одной из сторон, является следующее дело. Стороны заключили договор лизинга, в котором была изменена очередность платежей (сначала неустойка, потом лизинговый платеж). Суд применил эстоппель, указав, что стороны до этого безоговорочно исполняли договор⁵. Здесь мы не будем анализировать оправданность такого решения.

2) Эстоппель при отсутствии явно выраженной воли

Вторая большая сфера, где может применяться эстоппель – ситуации, когда из предшествующего поведения не получается вывести однозначную волю на совершение сделки (отказ от права, расторжение или заключение договора и т. д.)⁶. Особенно проблемно вывести из конклюдентных действий волю на отказ от права требования (прощение долга), так как безвозмездность является нехарактерной для гражданского оборота⁷. В этом случае поведение кредитора должно исключать какие-либо иные возможности его интерпретации.

---

² См., например: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.07.2015 N 307-ЭС15-1642 по делу N A21-10221/2013.

³ Один из многочисленных примеров: Canaris C.-W. *Die Vertrauenshaftung im deutschen Privatrecht*. München, Beck, 1971. S. 312-332.

⁴ См., например: R. Zimmermann & S. Whittaker (Ed.) *Good faith in European contract law* (pp. 508-509). Cambridge: University Press.

⁵ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 13.01.2016 N Ф03-5564/2015 по делу N A73-3330/2015.

⁶ См.: Singer R. *Das Verbot widersprüchlichen Verhaltens*. München, Beck, 1993. S. 344-346.

⁷ Timme M. *Erläss und Verzicht im Zivil- und Wirtschaftsrecht*. Hamburg, 2011. S. 13. Саркисян А.В., Новосельнов Д.А. Об отказе от права и его последствиях // Вестник экономического правосудия. 2017. № 4. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. См. также: Беляева К.К. Институт отказа от права в

Примерами ситуаций, при которых непросто выявить однозначную волю правообладателя, являются следующие дела. Между истцом и ответчиком был заключен договор строительного подряда. Генеральный подрядчик несколько раз сдавал заказчику результаты разных работ и выставлял акт о приемке с учетом понижающих коэффициентов, которые изначально не были предусмотрены сторонами. Впоследствии генеральный подрядчик потребовал уплаты оставшейся цены работ в виде разницы между договорной ценой работ (без понижающих коэффициентов) и ценой работ, отраженных в счете на оплату. Суд указал, что «в тот период времени применение указанных коэффициентов было обычной практикой, подрядчики добровольно шли на их применение в целях обеспечить себя объемом работ и рассчитывая на дальнейшее сотрудничество». В итоге суд применил принцип эстоппель, отметив, что подрядчик применял понижающие коэффициенты несколько лет и ранее претензий не направлял⁸.

В другом деле арендодатель без наличия доказанной договоренности между сторонами в течение года выставлял счета, где арендная плата была ниже договорной, арендатор выставленную сумму оплачивал. Арендодатель обратился в суд с требованием о взыскании возникшей задолженности. Кассационный суд посчитал, что стороны в отношении спорных периодов конклюдентными действиями изменили размер арендной платы. По сути, арендодатель при таком толковании каждый раз с выставлением нового счета прощал долг арендатору за соответствующий период. Кроме того, суд сослался на принцип эстоппель, указав, что он применяется, в частности, тогда, когда сторона договора разумно полагалась на предшествующие заявления или поведение контрагента. Таким образом, здесь суд применил конкурирующие квалификации⁹.

Также эстоппель может применяться (мы не определяем оправданность его применения здесь) в отношении права на отказ от договора, когда, например, сторона договора терпит продолжающиеся или повторяющиеся нарушения контрагента. В этом случае у нарушителя может возникнуть впечатление, что отказа не последует, хотя бы без предоставления разумного срока на исполнение. В Германии эстоппель применялся в случае, когда арендатор допускал нарушения сроков по оплате, а арендодатель молча принимал последующее исполнение. В итоге, на арендодателя может быть возложена обязанность предоставить разумный срок на исполнение договора при новом нарушении арендатора, который не ожидал внезапного отказа, учитывая длительное терпение¹⁰. Арбитражный суд Московского округа, в свою очередь, отказался применять эстоппель при отказе от договора в связи с новым нарушением, когда заказчик ранее терпел нарушения сроков подрядчиком и предоставлял дополнительный срок на исполнение¹¹. Учитывая то, что заказчик ранее выражал свое недовольство нарушением сроков, он дал ясно понять, что не намерен в дальнейшем терпеть просрочки¹². Здесь немецкая доктрина также

сравнительно-правовом контексте // Вестник гражданского права. 2017. № 3. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

⁸ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.01.2017 N 17АП-7729/2016-ГК по делу N А60-46687/2014.

⁹ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 30.10.2018 N Ф02-5236/2018 по делу N А33-34148/2017.

¹⁰ См.: Singer R. Op. cit. S. 327-328. BGH, 24.02.1959 - VIII ZR 33/58.

¹¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.07.2017 N Ф05-8484/2017 по делу N А40-248759/2015.

¹² Егоров А.В. Односторонний отказ заказчика от договора подряда: сосредоточение проблем практики // Вестник гражданского права. 2018. N. 3. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

солидарна с подобным подходом, так как у нарушителя не должно возникать ожидания поблажки, если контрагент указывает на недопустимость нарушений¹³.

В рассматриваемой здесь группе случаев эстоппеля, в отличие от случаев злоупотребления ссылкой на ничтожность, стороны вовсе не совершили никакую сделку, даже недействительную. Их поведение является недостаточно определенным, чтобы отсюда можно было вывести волю на совершение сделки. Конечно, вопрос о достаточной определенности поведения для его квалификации в качестве волеизъявления условен. Кто-то может увидеть в выставлении счетов с платой ниже договорной достаточное волеизъявление, а кто-то, напротив, подумает, что это еще ни о чем не говорит. Мы все-таки исходим из того, что если отсутствуют доказательства какой-либо переписки между сторонами или иных обстоятельств, которые могли бы обусловить железную веру в прощение долга и т. д., то вряд ли можно говорить о сделке. «Скидка» может быть обусловлена банальной ошибкой. Если должнику прощают долг без явного выражения воли (прямого заявления) и без очевидного мотива, то не лишним будет уточнить, верно ли он понял намерения контрагента.

3) Эстоппель в ситуации, когда должник не знал о существовании долга

Квалификации поведения в качестве волеизъявления может препятствовать то, что другая сторона не воспринимает поведение как изменяющую текущие правоотношения сделку, а принимает его как данность. Спорно, можно ли в этом случае в принципе говорить о сделке, если адресат сделки не воспринимает поведение соответствующим образом, а сама сделка относится к разряду требующих восприятия (а таких сделок большинство)¹⁴.

В качестве примера можно привести договоры аренды государственных земельных участков, где арендная плата является регулируемой. Нередко в такие договоры включается обязанность арендодателя уведомить арендатора об изменении регулируемой арендной ставки. Судебная практика неоднозначно относится к правовым последствиям несоблюдения этой обязанности. Часть считает, что нарушение этой обязанности влечет невозможность взыскать арендную плату в части повышения¹⁵, а другие суды полагают, что это условие является противозаконным¹⁶. В одном из решений суды расценили неуведомление арендатора об изменении арендной платы в качестве предшествующего поведения, обусловившего доверие арендатора, и применили принцип эстоппель. Арендатор в течение двух лет исходил из мнимой правовой действительности и полагал, что уплачиваемая им арендная плата соответствует регулируемой и полагался на то, что если было бы иначе, то контрагент бы его об этом уведомил.

В другом деле собственник помещений 2 года их не посещал. После проверки оказалось, что собственник других помещений по заблуждению обустроил в помещениях первого собственника лифтовую. Суд отказал в негаторном иске первого собственника,

---

¹³ Singer R. Op. cit. S. 329.

¹⁴ Singer R. Op. cit. S. 228-229.

¹⁵ Определение ВАС РФ от 20.01.2011 N ВАС-18378/10 по делу N А57-12453/2009, Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 25.01.2016 N Ф01-5877/2015 по делу N А38-1637/2015, Постановление ФАС Московского округа от 08.10.2010 N КГ-А41/11764-10 по делу N А41-7030/10, Постановление ФАС Центрального округа от 17.07.2012 по делу N А54-1930/2011.

¹⁶ Определение Верховного Суда РФ от 02.12.2014 N 310-ЭС14-5236 по делу N А09-7730/2013, Определение ВАС РФ от 01.10.2012 N ВАС-16667/11 по делу N А56-61823/2010, Постановление ФАС Уральского округа от 12.02.2014 N Ф09-14760/13 по делу N А34-2412/2013, Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 01.04.2016 N Ф03-1001/2016 по делу N А51-10134/2015.

посчитав его бездействием и пассивностью в проверке своих помещений (ст. 210 ГК РФ) с последующими претензиями к нарушителю злоупотреблением права¹⁷.

Абстрагируясь от дискуссии об оправданности этих решений, отметим, что здесь проблематично с догматической точки зрения установить волеизъявление. Арендатор в первом деле и нарушитель во втором полагали, что они действуют правомерно. Поэтому поведение арендодателя и собственника при объективном толковании не могло быть ими воспринято как сделка – согласие с нарушениями.

Принимая во внимание наличие догматического препятствия в виде незнания о правовой действительности, необходимо признать, что даже если бы другая сторона знала о долге, признание действий арендодателя или потерпевшего собственника в качестве волеизъявления вовсе неочевидно. Это замечание важно с той точки зрения, что такое поведение не должно безоговорочно вменяться правообладателю с аргументом о случайном характере знания или незнания другой стороны и о несущественности знания адресата для квалификации поведения в качестве сделки. Незнание другой стороны лишь предполагает то, что у нее иная природа доверия, по сравнению со второй группой. Другая сторона в этом случае полагается не на высокую вероятность нереализации права, а просто на мнимую правовую ситуацию.

4) Эстоппель при молчании

Согласно п. 3 ст. 158 ГК РФ, молчание признается выражением воли совершить сделку в случаях, предусмотренных законом или соглашением сторон. Таким образом, чтобы расценить бездействие в качестве волеизъявления необходимо наличие указывающих на значение такого бездействия закона или договора. По тексту закона бездействие не может расцениваться как сделка без таких дополнительных индикаторов. В случае с эстоппелем есть примеры, когда бездействие, напротив, может вызывать доверие.

В одном из дел, рассмотренных ВАС РФ, стороны заключили договор купли-продажи акций, который не исполнялся ими 6 лет. Спустя этот срок покупатель отдал передаточное распоряжение реестродержателю, в результате чего акции были зачислены на его счет. Президиум ВАС обратил внимание на то, что за 6 лет акции выросли в стоимости в 13 раз, и что покупатель не имел разумных экономических мотивов для того, чтобы ждать столько времени с требованием об исполнении договора. В результате поведение покупателя было расценено как злоупотребление правом¹⁸.

Другим примером могут быть дела, где после отказа арендодателя от договора аренды стороны все равно продолжают фактически арендные отношения: арендатор платит арендную плату, а арендодатель не требует немедленного освобождения и принимает арендную плату. Так может продолжаться несколько лет. Большинство судов полагает, что сам факт уплаты арендной платы и ее пассивное принятие арендодателем ни о чем не говорит: согласно ст. 622 ГК РФ арендная плата должна уплачиваться до момента возврата вещи¹⁹. То есть принятие оплаты и даже требование оплаты не должны расцениваться как волеизъявления. Однако есть и другое решение, где суд фактически признает договор

¹⁷ Определение Верховного Суда РФ от 10.12.2018 N 303-ЭС18-20354 по делу N А51-15263/2016.

¹⁸ Постановление Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 12913/12 по делу № А27-15517/2011.

¹⁹ См., например: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30.09.2016 N Ф07-8472/2016 по делу N А56-84984/2015, Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 28.10.2015 N Ф07-802/2015 по делу N А56-2844/2015, Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23.01.2018 N Ф09-8513/17 по делу N А50-8181/2017.

действующим, хотя «позитивные» действия арендодателя и ограничивались лишь требованием об уплате накопившейся задолженности, и арендатор продолжал пользоваться вещью 10 месяцев после расторжения²⁰. Немецкие суды в таких случаях обращаются к запрету противоречивого поведения. Обычно суды требуют дополнительные обстоятельства, которые бы позволили признать договор действующим: одного лишь непредъявления требования об освобождении может быть недостаточно²¹. Однако есть точка зрения, по которой особо длительное бездействие арендодателя должно вести к запрету противоречивого поведения. Правовой результат будет аналогичен заключению нового договора аренды²².

В приведенных делах покупатель акций и арендодатель не совершали позитивных действий, а лишь бездействовали. Навязывание им правовых последствий здесь может быть обусловлено «нетипичностью» такого ожидания: в первом деле ВАС РФ верно отметил, что столь длительное бездействие покупателя не мотивировано экономическими причинами. В делах о фактическом продолжении арендных отношений может состоять в том, что если арендодатель отказался от договора аренды, который стал для него неприемлемым, то его последующее длительное бездействие по истребованию вещи противоречит такому отказу. Если арендодатель перестал доверять арендатору, то можно ожидать от него более активного поведения. Иначе это выглядит так, что арендодатель снова стал доверять контрагенту, а последующее изменение его настроения обусловлено вовсе не теми причинами, которые сподвигли его на отказ.

Любопытно, что, как показывают компаративные исследования, в странах, где институт запрета противоречивого поведения не был воспринят (например, Франция, Италия, Австрия), суды зачастую приходят к тем же решениям, что и суды стран (Германия, Нидерланды, Греция, Испания, Англия, Ирландия, Шотландия, Дания, Норвегия), которые применяют этот институт²³. Отличие состоит в том, что в первых странах суды растягивают понятие сделки (фингируют ее), игнорируя отдельные законодательные запреты или многозначность поведения, препятствующую для его квалификации в качестве волеизъявления. Например, в Австрии признавались сделки об исковой давности в конклюдентной форме, хотя закон прямо запрещал соответствующий договор²⁴. В другом деле ответчик установил на своем гараже, который находился на границе с участком истца, литые стекла с волнистой поверхностью. Истец обратился в суд спустя 10 лет. Французский суд отклонил иск, посчитав интерес истца незначительным. При том что законная исковая давность еще не истекла, суд не стал через соображения справедливости выводить досрочную утрату права. Вместо этого он установил, что истец отказался от своего права²⁵. Также во Франции претерпевание арендодателем субаренды было расценено как отказ от

---

²⁰ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.12.2017 N 09АП-52115/2017-ГК по делу N А40-201620/16.

²¹ См., например: LG Frankfurt a.M., Urteil vom 10.07.2014 - 2-11 S 398/13.

²² См.: Streyll BGB § 546 Rückgabepflicht des Mieters // Schmidt-Futterer, Mietrecht. 13. Auflage 2017 Rn. 80.

²³ Rybarz J.C. Billigkeitserwägungen im Kontext des Europäischen Privatrechts. Mohr Siebeck, 2011. S. 149-150. Case 22: Sitting on one's rights. In R. Zimmermann & S. Whittaker (Ed.) Good faith in European contract law (pp. 515-531). Cambridge: University Press.

²⁴ Ср.: Ranieri F. Europäisches Obligationenrecht: Ein Handbuch mit Texten und Materialien. Springer, 2009. S. 1831-1832.

²⁵ Ranieri F. Op. cit. S. 1851.

права на одностороннее расторжение договора²⁶. Итальянский суд, в свою очередь, отказал в удовлетворении иска от работника в отношении бывшего работодателя, поданного спустя продолжительный срок после возникновения основания для требования. Суд указал, что работодатель уже давно отошел от дел и мог справедливо полагать, что работник от своего права требования отказался²⁷. Австрийский верховный суд с похожей аргументацией разрешил дело, где арендодатель требовал уплаты одного и того же размера арендой платы, хотя имел право на более высокую сумму. Суд посчитал, что арендодатель отказался от своего права на недополученную ранее сумму, но сохранил договор с более высокой арендной платой на будущее²⁸.

Это показывает, что для достижения справедливости суд иногда вынужден отходить от имеющихся положений о сделках. Признание института запрета противоречивого поведения позволяет делать это открыто и способствует анализу тех обстоятельств, в которых принцип добросовестности оказывается весомее пороков сделки или автономии воли.

Обоснование эстоппеля и основные учитываемые факторы

Тот факт, что эстоппель порождает те же последствия, что и сделка, несмотря на отсутствие условий для ее действительности, явно выраженной воли или ее восприятия адресатом, предопределяет необходимость наличия дополнительных условий для его применения. Иначе эстоппель бы просто выступал способом обхода законодательных положений о сделках. Само по себе противоречивое поведение не запрещено, и иностранная доктрина придает ему значение, как правило, лишь в связи с идеей защиты доверия. *Venire contra factum proprium*, по крайней мере в современной интерпретации, не предполагает кару за одну лишь противоречивость поведения. Действительным объектом защиты выступает доверие положившегося на предшествующее поведение лица и осуществленные им действия или бездействия, которые были совершены в связи с возникшим доверием²⁹.

Несмотря на наличие универсального связующего элемента для всех (по крайней мере большинства) случаев запрета противоречивого поведения в виде идеи защиты доверия, выделенные группы случаев эстоппеля имеют свою специфику. Единым классификационным критерием у нас выступила невозможность обоснования правового результата через один лишь институт сделки. В то же время выделенные группы случаев предполагают игнорирование разных интересов, которые в обычной ситуации не позволили бы наступить правовому результату, соответствующему сделке.

1) Эстоппель в отношении недействительных сделок

В случае с недействительными сделками посредством эстоппеля мы фактически игнорируем цели, которыми руководствовался законодатель при установлении основания недействительности в конкретном случае. Именно сопоставление целей конкретной нормы (установления обязательной формы, введение законодательного запрета и т. д.) и

²⁶ Piekenbrock A. *Befristung, Verjährung, Verschweigung und Verwirkung: Eine rechtsvergleichende Grundlagenstudie zu Rechtsänderungen durch Zeitablauf*. Mohr Siebeck, 2006. S. 176.

²⁷ Ranieri F. *Op. cit.* S. 1856-1857.

²⁸ Case 22: *Sitting on one's rights*. *Op. cit.* P. 518.

²⁹ См., например: Singer R. *Op. cit.* S. 77.

соображений справедливости в виде оценки последствий ничтожности для доверившийся стороны должно иметь здесь первоочередное значение. При этом законодательную цель, по нашему мнению, стоит анализировать не абстрактно, а применительно к конкретной ситуации. Например, цель установления обязательной формы сделки под страхом недействительности может состоять в стремлении уберечь участников оборота от необоснованных решений. Если же соответствующая сделка с пороком формы фактически исполнялась, то можно говорить о том, что у сторон было время обдумать свои намерения.

2) Эстоппель при отсутствии явно выраженной воли

Здесь через эстоппель мы пренебрегаем совсем другими интересами. Предметом «обхода» выступают не цели норм, обуславливающих недействительность, а автономия воли противоречиво действующего лица.

Условно обозначим, что для того, чтобы из поведения лица среднее разумное лицо могло вывести волю на совершение сделки, оно должно быть уверено в значении поведения на 99 %. Для настоящей группы эстоппеля, опять же условно, достаточно 90 % вероятности того, что лицо будет придерживаться предшествующего поведения. Эта вероятность может складываться из эмпирических представлений участников оборота о том, что люди обычно ведут себя последовательно. Если подрядчик применяет не предусмотренные договором понижающие коэффициенты, то ожидается, что он не потребует впоследствии накопившейся разницы. Поведение считается непоследовательным тогда, когда предшествующее поведение «А» в глазах большинства участников оборота предполагает последующее поведение «Б», а лицо в действительности ведет себя «В».

Вероятность последовательного поведения и убежденность в том, что отсутствует ошибка, становится еще выше тогда, когда речь идет не просто об утрате права одной из сторон, а о наличии некоего «джентельменского» соглашения. Так, подрядчик рассчитывает на продолжение поступления заказов от заказчика. То есть в глазах заказчика жест доброй воли контрагента был своего рода предложением заключить последующие договоры. Встречность может быть и более формальной, например, как в деле с договором купли-продажи акций. В глазах продавца покупатель своим бездействием не просто демонстрировал желание отказаться от акций, но и желание сохранить свои деньги, которые бы он вынужден был уплатить. Также, когда арендодатель не спешит с требованием об освобождении арендуемого имущества, он продолжает получать арендную плату, что позволяет говорить о видимости некоего соглашения.

Необходимо ответить на вопрос, почему лицо связывается своим предшествующим поведением, если из его поведения нельзя установить с достаточной степенью вероятности волю на совершение сделки. По нашему мнению, аргумент о незаслуженности защиты ожиданий, базирующихся не на сделке, не является очевидным. Наряду с защитой доверия относительно совершенной сделки допустима и защита доверия относительно поведения, с высокой степенью вероятности свидетельствующего об аналогичном намерении лица (как будто совершена сделка). Доверившееся лицо не должно исходить из того, что другой стороне свойственно непоследовательное поведение.

Нельзя также упускать, что противоречиво действующее лицо должно понимать, что его поведение порождает определенные ожидания. Если оно выбирает действовать непоследовательно, то разумным было бы заблаговременно развеять возможные надежды другой стороны. Таким образом, противоречивость поведения получает самостоятельную нравственно-правовую оценку, когда на такое поведение полагается другая сторона. Этот

фактор обособлен от идеи защиты доверия и указывает на справедливость вменения правовых последствий противоречиво действующему лицу.

В настоящей группе случаев эстоппеля необходимо оценивать такие элементы как степень недобросовестности противоречиво действующего лица (конъюнктурное изменение позиции и т. д.), степени вероятности соблюдения предшествующего поведения (в глазах участников оборота) и придавать особое значение справедливости последствий для другой стороны (увеличение цены акций в 13 раз и т. д.). Когда лицо применяет понижающие коэффициенты и заказчик, как и задумывал подрядчик, полагается на это и выбирает продолжать с ним договорные отношения, то последующее противоречивое поведение стоит считать недобросовестным.

3) Эстоппель в ситуации, когда должник не знал о существовании долга

В этой группе случаев также нарушается автономия воли. Однако, когда должник не знал о существовании долга, то уже нельзя говорить о том, что он полагался на сделку или же «высокую вероятность» последовательного поведения. Здесь ключевым фактором выступает распределение информационных обязанностей, а не «вероятность». Если на противоречиво действующую сторону можно возложить обязанность по сообщению контрагенту о действительном положении дел, то на нее можно возложить и последствия нарушения этой обязанности, если она же и провоцирует такую ошибку. В приведенном деле об аренде государственного земельного участка информационная обязанность арендодателя предусмотрена самим договором. В деле о негаторном иске суды вывели информационную обязанность через ст. 210 ГК РФ. Здесь мы абстрагируемся от вопроса об оправданности таких позиций.

4) Эстоппель при молчании

В ситуации эстоппеля при молчании, судя по всему, должны действовать те же факторы, что и в группе 2 – эстоппеле при отсутствии явно выраженной воли. Так, явная недобросовестность в непоследовательном поведении покупателя акций выражалась в том, что он не мог предполагать, что продавец акций все эти 6 лет будет сидеть без дела. Кроме того, как верно отметил ВАС РФ, у продавца не было разумного экономического объяснения для столь длительного ожидания.

Заключение

Указанные нами факторы для разных групп эстоппеля не являются единственными обстоятельствами, которые должен учитывать суд, а также не являются уникальными для соответствующей группы. Например, при злоупотреблении ссылкой на ничтожность, как и в случае с эстоппелем в условиях многозначного поведения, также важно учитывать степень недобросовестности, справедливость последствий. Однако с нашей точки зрения они обуславливают специфику конкретной группы эстоппеля с учетом тех положений о сделках, которые мы приносим в жертву требованиям справедливости.

В случае с недействительными сделками принцип добросовестности в лице эстоппеля входит в противоречие с законодательными целями нормы, обуславливающей ничтожность. Поэтому при применении эстоппеля важно оценить значение законодательной цели при конкретных обстоятельствах. В остальных случаях нарушается автономия воли стороны, против которой применяется эстоппель. В этих случаях важно

различать доверие относительно высокой вероятности последовательного поведения и доверие относительно текущего правового положения. В первой ситуации ключевое значение имеет степень недобросовестности поведения первой стороны и несправедливость для должника, а во второй – распределение информационных обязанностей в совокупности с обстоятельствами, учитываемыми и при первой ситуации (степень недобросовестности, несправедливость).